

ПУБЛІКАЦІЇ

Олександр Костючок, Тетяна Латуха

Стенограма наради щодо питання зняття мозаїк і фресок Михайлівського монастиря, яка відбулася 4 серпня 1934 року

Постанови владних органів про знесення Михайлівського монастиря у Києві з його соборним Михайлівським Золотоверхим храмом (1108–1113 рр.) з'явилися майже відразу після рішення XII з'їзду КП(б)У (18–23 січня 1934 р.) про перенесення столиці УСРР з Харкова до Києва. Через два місяці після цього Політбюро ЦК КП(б)У протоколом засідання від 27 березня 1934 р. дає розпорядження Всеукраїнському Центральному виконавчому комітету видати постанову (без опублікування в пресі) про знесення Михайлівського монастиря для будівництва на його місці урядового центру¹. Сучасні побудові Михайлівського Золотоверхого собору мозаїки та фрески, які збереглися у його інтер'єрі, було дозволено зняти зі стін і зберегти як музейні експонати, а будівлю храму у серпні 1937 р. висадили у повітря.

Незабаром, після прийняття рішення про знесення Михайлівського Золотоверхого собору було створено спеціальну групу, що одержала назву «Комітет з дослідження колишнього Михайлівського монастиря» (у різних документах ця назва дещо варіюється тому далі дану групу будемо називати «Комітет»). До цієї групи включили кількох київських вчених та музейних працівників, а також представників Наркомату освіти УСРР (відомств, яке на той час опікувалося охороною пам'яток), які координували та відповідним чином спрямовували роботу дослідників². На жаль, поки не знайдено документів владних органів або наукових установ, які б фіксували офіційне створення «Комітету», його завдання та підпорядкування (можливо, що письмових документів і не існувало). Збереглися лише протоколи трьох його засідань, які скликалися 4 серпня, 11 вересня та 14 вересня 1934 р. За цими протоколами складаємо уяву і про орієнтовний склад членів «Комітету» (від

1 Протоколи №№ 145, 146; 1–5 засідань Політбюро ЦК КП(б) України. (ЦДА громадських об'єднань України, ф. 1, оп. 6, спр. 338, 4.01.1934 р. — 29.03.1934 р., арк. 151–168).

2 Коренюк Ю.А. *Михайловский Златоверхий собор в Киеве. Очерк истории убранства от создания до 1918 г. История уничтожения и судьба его художественного наследия* [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://www.myslenedrevo.com.ua/ru/EStore/History/Korenjuk.html>.

засідання до засідання він дещо змінювався), і про завдання, які перед ними ставила влада, і про те, як різні учасники засідань на ці завдання реагували. Зміст питань і їх обговорення дозволяє стверджувати — радянська влада вимагала від вчених надати «докази» того, що Михайлівський Золотоверхий собор було закладено не у 1108 р., як свідчать літописи, а значно пізніше, і тим самим применшити історичне та наукове значення пам'ятки.

Протоколи засідань від 11 вересня та 14 вересня 1934 р. були опубліковані у 1999 р. спеціальним випуском часопису *Пам'ятки України*, присвяченим завершенню відбудови ансамблю Михайлівського Золотоверхого монастиря³, а протокол засідання від 4 серпня 1934 р. до цього часу лишається неопублікованим. Проте саме він, можливо, є найцікавішим, бо на цьому першому засіданні «Комітету», запрошений для демонтажу мозаїк та фресок з лєнінградської Академії мистецтв професор В. Фролов робив звіт про закінчення демонтажних робіт. Архітектор І. Моргілевський звітував про перші результати досліджень архітектури Михайлівського собору. А головне те, що саме на цьому першому засіданні спалахнули найзапекліші дискусії щодо датування собору, які дають уяву про атмосферу тих часів⁴.

Збереглося два варіанти тексту стенограми засідання «Комітету» від 4-го серпня 1934 р. Перший варіант є машинописом, у текст якого рукою внесено правки⁵. Правки мають стилістичний характер. Другий варіант є чистовим машинописним текстом, що повторює текст першого з урахуванням стилістичних правок⁶. Але в окремих місцях тексти містять істотніші відмінності, деякі технологічні моменти у першому правленому варіанті стенографістом написані з неточностями та відвертими помилками, які у другому чистовому варіанті виправлені.

Текст публікуємо за другим чистовим варіантом.

3 Стенограма засідання Комітета по исследованию архитектуры б[ывшего] Михайловского монастыря, состоявшегося 11 сентября 1934 г. Публ. В. Карпенко. *Пам'ятки України*. 1999, № 1, XII – XVII; Стенограма засідання Комітета по исследованию Михайловского монастыря 14 сентября 1934 г. Публ. В. Карпенко. *Пам'ятки України*. 1999, № 1, XVIII – XXIII.

4 Коренюк Ю.А. *Михайловский Златоверхий собор в Киеве. Очерк истории убранства от создания до 1918 г. История уничтожения и судьба его художественного наследия.*

5 Стенограма совещания по вопросу снятия мозаик и фресок Михайловского монастыря, состоявшегося 4-го августа 1934 г. (*Науковий архів Інституту археології Національної академії наук України*, ф. «ПМК», спр. 624, арк. 1–20).

6 Стенограма совещания по вопросу снятия мозаик и фресок Михайловского монастыря, состоявшегося 4-го августа 1934 г. (*Науковий архів Інституту археології Національної академії наук України*, ф. «ПМК», спр. 666, арк. 1–27).

СТЕНОГРАММА

Совещания по вопросу снятия мозаик и фресок Михайловского монастыря, состоявшегося 4-го августа 1934 г.

Присутствовали: т.т. Козубовский⁷, Макаревич⁸, Фролов⁹, Молчановский¹⁰, Моргилевский¹¹, Багрий¹², Макаренко¹³, Куринный¹⁴, Антипович¹⁵, Байорис¹⁶.

Председательствует: т. Макаревич.

-
- 7 Федір Андрійович Козубовський (1895–1938 рр.). Народився в с. Богушево (нині село Брестської області, Білорусь). Закінчив Смоленський учительський інститут (1916 р.). Директор Інституту історії матеріальної культури АН УСРР (1934–1936 рр.). 2 вересня 1938 р. за звинуваченнями у контрреволюційній діяльності розстріляний.
 - 8 Омелян Андрійович Макаревич — завідувач відділу музеїв Народного комісаріату освіти УСРР.
 - 9 Володимир Олександрович Фролов (1874–1942 рр.). Відомий російський мозаїчист, співвласник (до 1918 р.) мозаїчної майстерні братів Фролових, яка виконала числені мозаїчні роботи (серед них мозаїки церкви Покрова Богородиці у с. Пархомівка Київської обл. та Троїцького собору Почаївської Лаври, за ескізами М.К. Реріха). Протягом 1936–1941 рр. займався реставрацією мозаїк Софійського собору у Києві. З 1934 р. — керівник мозаїчної майстерні Ленінградської Академії мистецтв.
 - 10 Феодосій Миколайович Мовчанівський (1899–1938 рр.). Навчався в Уманському духовному училищі, а також у Київській та Одеській духовних семінаріях (1913–1918 рр.). З 1932 р. працював співробітником Всеукраїнського археологічного комітету ВУАН; з 1934 р. очолював відділ слов'янської археології Інституту історії матеріальної культури ВУАН. У 1938 р. заарештований і розстріляний.
 - 11 Іполит Владиславович Моргилевський (1889–1942 рр.). Закінчив Київський політехнічний інститут. З липня 1918 року до січня 1919 року — фахівець з обміру й дослідження пам'яток старої архітектури відділу охорони пам'яток старовини й мистецтв Головного управління мистецтв та національної культури Міністерства освіти. Викладав у київських інститутах — архітектурному, художньому, інженерно-будівельному. З 1923 року — професор; у 1926–1927 рр. — декан архітектурного факультету Київського художнього інституту. З 1941 р. член-кореспондент Академії архітектури СРСР.
 - 12 Назар Олексійович Багрий (1895–1937 рр.). У 1933–1937 рр. навчався в Інституті червоної професури. Протягом 1933–1937 рр. — директор Всеукраїнського музейного городка. 1937 р. заарештований і засуджений до розстрілу; страчений 27 листопада 1937 р.
 - 13 Микола Омеляннович Макаренко (1877–1938 рр.). Відомий український вчений-мистецтвознавець, археолог, архітектор, історик мистецтва і художник. Упродовж 1920–1924 рр. — директор Музею мистецтв ВУАН. 1934 року заарештований за відмову підписати акт про знесення Михайлівського Золотоверхого собору. Засланий до Казані, де викладав у художньому технікумі, консультант Центрального музею. 1937 р. втретє заарештований і постановою «трійки» засуджений до вищої міри покарання.
 - 14 Петро Петрович Куринний (1894–1972 рр.). З 1924 р. — директор Музею культів і побуту, у 1926–1932 рр. — директор Всеукраїнського музейного городка, створеного після ліквідації Києво-Печерської Лаври. З 1924 р. — дійсний член Всеукраїнського археологічного комітету, 1938–1941 рр. — старший науковий співробітник Інституту археології АН УРСР, консультант Центрального історичного музею УРСР (Київ).
 - 15 Костянтин Єрофійович Антипович (1899–1949 рр.). Протягом 1929–1933 рр. — співробітник Комісії з вивчення соціально-економічної історії України XVIII–XIX ст. ВУАН, історико-географічної комісії ВУАН. З 1930 р. — професор Київського інституту народної освіти; з 1934 р. — науковий співробітник Історико-археологічного інституту ВУАН; з 1935 р. — київський обласний інспектор охорони пам'яток культури.
 - 16 Байорис [імовірно це могли бути співробітники Інституту історії матеріальної культури ВУАН: Н.І. Байорис або Катерина Байорис. — *О.К., Т.Л.*].

- т. Макаревич: Наше сегодняшнее совещание посвящено тому, чтобы материал, который уже собран [и] был зафиксирован, как материал уже проверенный, чтобы он уже был материалом, хотя бы и полуофициального характера. Возможно, что этот материал еще встретит кое-какие изменения и возражения. Было бы желательно, чтобы каждый работник, работающий в соборе, сделал свой доклад, который будет застенографирован и потом эти доклады будут обсуждаться. Сегодня у нас на порядке дня будет доклад профессора Фролова. Слово имеет проф[ессор] Фролов.
- проф. Фролов: Завтра мы заканчиваем первую часть намеченной работы [и] вся мозаика, которую время нам сохранило, будет снята. Поэтому сейчас я вернусь несколько назад и изложу Вам по порядку ход тех работ, которые в течение полутора месяцев были нами произведены. В конечном счете вся эта часть работ сводилась к возможно тщательному снятию мозаик. Порядок работ был намечен следующий. Все мозаики можно разделить на три типа: первого типа — находившиеся в самой апсиде, наиболее хорошо сохранившиеся; второго — два изображения святых на пилонах; и третьего — на стенах под коробовым сводом апсиды, плохой сохранности. Последнего типа из 8 изображений фигур святых сохранилось полностью только одно, а от остальных фигур сохранились лишь фрагменты, в виде нижних частей одежды и ног. Из этих трех типов мозаики, несомненно, в художественном значении наименее интересными являются последние, и которые наиболее сильно пострадали от времени. Поэтому мы с них и начали свою работу, принимая во внимание, что тот опыт, который мы уже имели при подобных работах, был далеко недостаточен. Мы решили на этих фрагментах мозаики проверить наши теоретические предположения о способе снятия данных мозаик, а затем уже приступить к снятию двух отдельных изображений святых (на пилонах) и последней снять центральную композицию, так называемую Евхаристию (в апсиде). Уже в момент приступа к снятию указанных фрагментов мозаики выяснилась необходимость, прежде чем приступить к снятию мозаики, разрешить серьезнейший вопрос о направлении швов, так как большую часть мозаик мы полагали необходимым разделить на части. При снятии мозаик с изображениями святых на пилонах у нас явилась мысль, в интересах сохранения этих мозаик без раздела на части, снять их целиком. Решение это было несколько рискованное, но благодаря принятым мерам предосторожности нам удалось эти относительно большие (около 2,5 кв. м) мозаики снять целиком. Однако этот опыт показал, что увлекаться большими размерами отдельных частей при снятии мозаики в дальнейшем не следует. Одна из указанных мозаик (на пилонах) оказалась, в момент снятия, настолько плохо держащейся на своем древнем грунте, что самый процесс снятия внушал мне серьезные опасения за ее сохранность, и это обстоятельство не доставило мне большого удовольствия.

Наученные этим опытом, мы решили в дальнейшей работе пренебрегать удобством раздела мозаики на большие отдельные части и остановились на максимальном размере отдельных частей в 1,5 кв. м.

Итак перед нами стоял вопрос о направлении швов, которые должны были разделить большую (около 36 кв. м) мозаику (Евхаристию) на отдельные части. Наиболее подходящими местами для проведения швов мы признали целый ряд пространств в наборе драпировок, в некоторой степени поврежденных, и пространства золотого фона, принести в жертву которых мы признали допустимым в виду полной возможности его восстановления. Как основное правило, было принято обязательность не задевать швами ни лица, ни руки, ни ноги изображений, как наиболее драгоценные части набора мозаики. Нижний горизонтальный шов мы провели по красной полосе, отделяющей орнамент от самой композиции, второй горизонтальный шов мы провели по линии тех повреждений в наборе, которые имелись на поверхности мозаики. Причина этих повреждений и на сегодняшний день не ясна для нас (вдавленность набора проходящая по всем драпировкам фигур апостолов, как с правой, так и с левой стороны композиции). Третий горизонтальный шов пошел по драпировкам, но мы прошли им, не задевая главнейших основных форм драпировок (рукава и пр[очее]). Для проведения вертикальных швов мы пользовались пространствами фона между отдельными фигурами, снимая иногда две, три фигуры вместе. В тех же случаях, когда между фигурами не было золотого фона, вертикальный шов проводился по линии драпировок, в общем, не смотря на некоторые сомнения, возникшие при проведении швов, мы разделили всю мозаику на части, не задев ответственных частей композиции. Самая выемка швов производилась таким образом, что из набора мозаики вынималась полоса кусочков ширины в 4–5 сант[иметров], которые и наклеивались, в обратном порядке, на клеенку, и таким путем мы сохраняем натуральный набор древней мозаики, необходимый нам для заделки этих пространств по установке мозаики на место ее нового назначения. После этого мы приступили к вырубке грунта в этих швах и у нас явилась возможность выявить некоторые особенности того грунта, на котором были исполнены мозаики восемьсот лет тому назад. Этот грунт представляет собой три слоя: первый слой наносился непосредственно на стену, а уже на него наносился второй самостоятельный слой грунта, при этом путем нажима лопаточки, как первый, так и второй слой становились шероховатыми и на такую шероховатость грунта наносился последний — третий слой, служивший, собственно основанием для набора мозаики. По внешнему виду все 3 слоя несколько различны и первый слой очень близок к так называемой “цемянке” на которой в древности производилась и кладка стен, второй слой отличается от первого своим совершенно белым цветом, а третий розоватого тона, и в нем местами попадает примесь резаной соломы и волокнистых веществ.

Было бы очень интересно выявить состав и степень скорости схватывания этого известкового грунта, последний слой, по-видимому, должен был обладать, по сравнению с двумя первыми слоями грунта, относительно не большой степенью быстроты схватываемости.

После этой операции вся поверхность мозаики заклеивалась серпянкой при помощи особого воскового клея, которым вторично покрывалась и самая серпянка, которая и образовала достаточно твердую корку, гарантирующую ненарушимость сохранившегося набора древней мозаики. Для увеличения прочности такого закрепления набора, поверхность вошеной серпянки покрывалась гипсом (с примесью 50 % песку), с заложением внутрь гипса драни. Поверхность гипса делалась по возможности ровная, и, по затвердении ее, к ней прикреплялись деревянные щиты, предохраняя этим мозаику от преждевременного отпада от стены или грунта. После такого закрепления мы приступали к самому снятию. Первым делом, при помощи особого ножика, мы прорезывали кромки швов, а затем, при помощи пил и так называемых нами шпаг (настоящие шпаги и стальные полосы, шириной до 6 см, с насечкой на концах), которыми и проходили грунт, обычно между первым и вторым его слоем, и этим путем отжимали всю поверхность данной части от стены. Пилы пришлось нам применять только при снятии первых больших частей, а [в] дальнейшем мы ограничивались применением только шпаг. Некоторые отдельные части мозаики настолько плохо держались на своих местах, что мы их положительно ловили на ходу, но все же, в конечном счете, все обошлось благополучно, и мы все мозаики из вертикального положения, перевели на горизонтальное, уже не внушающее опасения за их дальнейшую сохранность.

Обращаю ваше внимание на то, что часто на первом слое грунта, не отпавшем от стены после снятия частей мозаики, нам представлялась следующая картина: на нем за истекший многовековой период накопился достаточно толстый слой пыли и копоти и это явление в известной степени, способствовало тому, что наши шпаги относительно свободно и легко местами проходили между первым и вторым слоем грунта.

Относительно материала, из которого набрана мозаика, то его можно разделить на два типа; а именно, 80% всего набора исполнены стекляннм сплавом, называемым смальтой, дошедшим до нас в очень хорошем состоянии; мне приходилось встречаться с целым рядом случаев, где применялась в наборе смальта; так например Ломоносовские смальты далеко не все хорошо сохранились, в то время как здесь смальты поражают своей великолепной сохранностью. В ближайшем будущем я привезу образцы современной смальты и я полагаю что едва ли между смальтами Михайловских мозаик и нашими современными будет значительная разница (по тону и консистенции). Полнейшей противоположностью является второй тип материала в наборе данной мозаики — материала естественного происхождения и материала типа терракоты, эти материа-

лы значительно пострадали от времени, особенно те, которые, видимо, были наколоты в виде кусочков обыкновенного, современного построению храма, кирпича. Этот тип материала местами значительно пострадал, и по этому вопросу необходимо будет в дальнейшем еще побеседовать. В самом начале расчистки грунта пространства мозаики, набранные таким материалом, оказались пустыми, так как этот материал рассыпался в порошок. В связи с этим нам предстоит решить вопрос: заполнять эти пустотные пространства новым подобным же материалом или оставить их не восстановленными, в виде отдельных оазисов.

Поэтому, я повторяю, нам желательно знать мнение настоящего собрания по этому вопросу: восстанавливать ли такие места, равно как и места явных выпадов смальт из набора, или нет?

В дальнейшем наша работа сведется к следующим операциям: предстоит произвести полную очистку набора мозаик от старого грунта, уже отслужившего свой век. Если собрание остановится на решении восстановить утраченные временем [части] набора, то эту работу частично можно сделать во время расчистки набора, а затем уже приступить к цементации мозаик, вопрос об этих операциях необходимо подробно обсудить.

Вот все те этапы работы, которые мы прошли за полтора месяца, и я полагаю, что в этой части работы мы оправдали оказанное нам доверие.

т. Макаревич: Какие будут к докладчику вопросы?

т. Антипович: Кто помогал в проведении этих работ из киевских [и] ленинградских работников?

Фролов: Все вышеуказанные работы проведены бригадой В[сесоюзной] А[кадемии] х[удожеств], состоящей из меня и трех мастеров-мозаичистов: тт. Баранова И.М., Малышева Д.М. и Семенова В.В.; техническими сотрудниками по работе являлись киевские штукатуры и плотники, кроме того к работе была привлечена художник т. Морозова Л.И. (киевлянка), которой поручено было исполнение факсимиле с наиболее ценных в художественном отношении фрагментов с мозаики на случай аварии с мозаикой при снятии их со стен, что дало бы нам некоторые данные в случае необходимости восстановления мозаик. В настоящее время эта опасность миновала и сделанные факсимиле с мозаик могут быть использованы как научный материал для учреждений, не в Киеве находящихся, и, в частности, для нашей мастерской мозаик Всероссийской Академии художеств, а также и для отдельных художников, интересующихся вопросами мозаики.

т. Антипович: Где находится дневник, в котором Вы записывали ход работы?

Фролов: Дневник работ находится у меня. Я должен представить в Академию художеств в Ленинграде вместе с отчетом о моей работе, и копию моих докладов, и этот дневник. Копию же дневника я считал необходимым представить вам. Этот дневник я вел на ходу и там имеются некоторые записи, не имеющие прямого отношения к снятию мозаики, и они являются вставками общего характера. Но я не имею

ничего против того, где эти оригиналы дневника будут сохраняться. Я только хочу, что[бы] остался след о нашей работе, так как будет очень важно знать о том, как мы подходили к этому делу работникам, которые будут заниматься этим делом впоследствии.

Козубовский: Согласно существующей инструкции все дневники передаются той организации, которая ведет исследование. В каждом дневнике есть, конечно, и замечания общего характера. Вопрос, который задел т. Антипович, я считаю исчерпанным. Копии дневника Вы берете себе, право на авторский материал остается за Вами, а весь материал остается в учреждении, которое ведет эти исследования. Считаю, что вы, как автор, будете в дальнейшем работать с нами и, таким образом, этот вопрос разрешается.

С места: Не было ли у Вас таких моментов в работе, которые бы могли пролить свет на датировку этого памятника?

Фролов: Меня больше всего интересует техническая и художественная сторона искусства мозаики, а потому я могу говорить только с точки зрения тех знаний, которыми я владею. Учитывая производственные моменты в истории развития мозаики, я полагаю, что этот памятник мозаичного искусства является первым на стенах этого храма после сооружения его. Если храм относится к XII веку, то и мозаика относится к этому же веку. Технический характер данной мозаики твердо и определенно говорит за то, что она набиралась на первобытную кладку этого собора, а потому я убежден, что эта мозаика была исполнена одновременно с сооружением собора. Возможно, что вопрос об исполнении мозаики для собора не был решен в первые годы по сооружению собора, а также совершенно ясно, что такая большая и ответственная задача по мозаике, какая стояла перед ее исполнителями, потребовала определенных и длительных подготовительных работ. Поэтому вполне допустима мысль о том, что мозаики Михайловского собора исполнялись позже фресок того же собора, но это обстоятельство надо понимать в разрезе нескольких лет или нескольких десятков лет, а не сотен лет. Вопрос о датировке Михайловских мозаик интересует и меня в известной степени, и я постараюсь не забыть привести из Ленинграда имеющиеся у меня фото мозаик XII–XIII в., сохранившихся в Константинополе, Венеции, Палермо и др[угих] городах. Данные мозаики нельзя признать мозаиками более позднего периода, а следовательно пришедшими к нам из Италии, уже и по тому одному, что в XIV–XVII веках вышеотмеченный мною материал — близкий к кирпичу — не мог иметь место в наборе мозаик этого периода, в виду совершенно иных задач мозаики, сравнительно с мозаиками до XIII в. включительно. Итак, если данные мозаики не могли прийти к нам с запада, то единственный путь их лежит из Византии, где до XIII в. эта отрасль искусства существовала и имела широкое применение в строительстве. Что касается до стиля данного изображения, то прекрасная форма нашей композиции и великолепный рисунок ее может быть всецело отнесен на долю того неизвестного художника, который являлся

- автором оригинала, по которому исполнялись мозаики Михайловского собора. Поэтому установить датировку этих мозаик, на основании стилистических особенностей их, едва ли целесообразно.
- С места: Как же Вы забыли, что изображения [св.] Дмитрия и [св.] Стефана были найдены уже срезанными?
- Фролов: Там действительно со стороны храма имеется красная кайма, которой заканчивается штукатурка, на которой писались фрески, но она не проходит под мозаику, она завертываясь на углу [и] только соприкасалась с ней, и это ничего не означает, и это не говорит за то, что под мозаикой были фрески. Вполне естественно, что в этой части собора раньше были исполнены фрески, а потом уже к фрескам прикреплены мозаики. Очень может быть, что когда мозаика еще только заготавливалась, фрески были уже исполнены и оправлены в виде красной каймы. Разница в толщине грунта мозаики (5–6 см) и грунта фресок (2–3 см) не исключает гипотезы об одновременности исполнения мозаик и древних фресок Михайловского собора.
- Куринный: Но [я] не слышал о том, как компостировались эти съемки, которые должны послужить основанием для последующей сборки этой самой мозаики.
- Фролов: Фотографии с мозаики были сняты по 2-3 фигуры композиции. Местами были сняты и отдельные фигуры. Затем сфотографирована центральная часть — 2 ангела и престол. Кроме того, сделаны частичные факсимиле. Сняты также целиком правая и левая сторона композиции в момент вскрытия швов. Кроме того, у нас проведены по всей мозаике горизонтальные и вертикальные линии, которые и послужат проверочными данными при сборке мозаики.
- Моргилевский: Я хотел бы задать вопрос. Вы говорите, что Ломоносовская смальта деформировалась, а наша хорошо сохранилась. В каком смысле?
- Фролов: Деформация смальт выражается в таких явлениях: в мозаиках Михайловского собора очень остры наружные ребра кусочков, а у Ломоносова законченные — не острые.
- С места: Чем же это объяснить?
- Фролов: Основная разница набора мозаики заключается в следующем: обычно большие мозаичные композиции набирались из смальт, приготовленных в виде блинов, которые раскалывались на кусочки, а Ломоносов же почему-то при исполнении больших мозаик применял тянутую смальту, которая изготовлялась путем нагревания и превращения ее в тяги. Он применял такую смальту не для миниатюрных, а для больших мозаик, вытягивая ее в форме достаточно крупных кубиков, и хорошо ее не закаливал. Кроме того, в некоторых случаях деформации смальт явились и следствием перенасыщенности ее состава оловом, но не смотря на это, иногда и такие смальты прекрасно сохраняются, что имеет место и в наборе Михайловских мозаик.
- Моргилевский: Ломоносовская техника была гораздо хуже. Для меня совершенно ясное явление, что он губил мозаику, употребляя смальты тянутые, а не колотые и хорошо закаленные.

Теперь я хотел бы сказать несколько слов по поводу той беседы, которая явилась следствием тех разговоров, которые раньше возникли. Для меня безразлично, что раньше возникло, исполнены раньше мозаики, или фрески. Но когда я хорошо присмотрелся к этому делу, то, по-видимому, алтарная часть была вся украшена мозаиками. Внутренняя же часть, по-видимому, была вся украшена фресками. Где-то должны быть стыки. Мозаики видимо накладывались прямо на штукатурку. Когда я пригляделся к левому обрезу триумфальной арки за фреской, там уже начинается грунт мозаики. Они тут стыкаются, и трудно сказать, что раньше нанесено. Затем мы наблюдали, что завернутая с фресками штукатурка соприкасалась с приложенным к ней набором. Долго ли это могло существовать? Конечно не сотни и не десятки лет. У меня такое впечатление, что, по-видимому, разница во времени намета той и другой штукатурки очень небольшая.

Дальше, Вы, излагая о съёмке мозаики, забыли сказать об очень интересном факте. Там, где был [изображен св.] Павел, а сегодня сняли и ту часть, где был [св.] Петр, — вспомните относительно обрубков [деревянных балок], которые открылись в стене. Правый обренок вынут. Левый обренок остался. Обрубки сосновые, там даже сохранилась кора сосны. Вы убеждены в том, что эти обрубки лежали под слоем мозаики. Кора и древесина сосны прекрасно сохранились так, что можно восстановить даже годовичные слои, а в глубине в первом слое дерево превратилось в труху. Теперь относительно того, что на что нанесено. Этих слоев три. Один из них — самый первичный слой — содержит в себе гораздо большее количество толченой керамики, чем последний. Там ее довольно много и она бледнее, а там розовая. Этот первичный [слой] не очень тесно связан со вторым и третьим слоем, и шпаги проходили свободно и он отслаивается очень хорошо. Мы наблюдали чрезвычайно интересную картину. На всем участке между первым и вторым слоем наблюдается масса копоти. Такое впечатление, что туда попал сквозняк и нанес копоть между слоями штукатурки. Эти явления очень просто объясняются. С правой стороны было зияющее отверстие от выпада мозаики и туда проникла копоть, и она наслоилась на первичном слое этой самой штукатурки. Я хочу подчеркнуть, что местами там были очень опасные моменты для сохранности мозаики. Затем, я хочу проинформировать комиссию относительно кладки. В начале XI и XII столетий кладка была смешанная. Такая кладка встречается и в Софии, и в Михайловско-Выдубецкой церкви, и в других местах. (Я беру гораздо позднее XII ст.) Тут же камень исчезает. Из чего составлена эта кладка? Можно сказать только одно, что если подойти с более древних времен и к более поздним памятникам, то Михайловский собор стоит в ряду с памятниками архитектуры первой четверти XII ст. потому, что во второй четверти XII ст. мы уже имеем кирпичную группу.

Молчановский: Я хочу обратить ваше внимание на пару моментов, а именно на то, что сейчас сказал т. Моргилевский. Он говорил, что для него совер-

шенно безразлично, что на что наворачивали и чем что было прикрито. Наш коллектив кроме проявления узко-технического интереса к этим мозаикам и фрескам должен интересоваться и моментами исторического порядка. К данному памятнику нужно подходить с наибольшей детализацией и научной партийностью, а не так, как говорил т. Моргилевский.

Теперь я хочу сказать относительно Михайловских кладок. У т. Моргилевского большой запас знаний, но мне кажется, что т. Моргилевский ошибается, когда говорит, что эти кладки можно отнести к XII столетию, к первой его четверти. Это не правильно. Такую самую картину кладки мы встречаем и в тех памятниках, что их относят к XVII в. У нас ссылаются на «плиточный» кирпич как строительный материал XII ст., а нужно сказать, что у нас с плиточным и литовским кирпичом большой прорыв. Сами плиточные кирпичи не одинаковые. Нужно сказать, что есть кирпич, который мы получили из бывшей Георгиевской церкви XII ст., и можно встретить плиточный кирпич по времени гораздо ближе к нам. Очевидно, по одной только форме кирпича датировать нельзя. Как можно говорить точно о первой четверти XII ст., когда даже цементировка не одинакова. Т. Моргилевский сказал, что он отобрал образцы этой цементировки, но я боюсь, что работа может быть провалена, потому что полной отборки и зондажей глубоких не проведено. Не провели этого, как следовало бы, научно обосновано. Нужно отметить, что зондажи и изъятие образцов строительных материалов нужно провести как можно шире и полнее.

Теперь относительно датировки. К этому вопросу у нас вообще как-то небрежно относятся. Это неправильно. Датировка является одной из самых важных задач. У нас были такие тенденции недооценивать эти датировки. Нужно подчеркнуть, что в вопросе датировки очень сказывается политика классов. Тут было заинтересовано и духовенство, которое хотело сказать, что вместе с христианством начала зарождаться высокая культура, были заинтересованы цари и князья, которые хотели тоже доказать, что они начали насаждать культуру и т. д.

Я хотел бы решительно рекомендовать, чтобы остальное время нашей работы мы коллективно обратили максимальное внимание на вопрос датировки.

Багриль:

Вопрос, поднятый т. Мовчановским, очень актуален и очень нас интересует, ибо вопрос датировки является безусловно вопросом классовой политики. И я хочу снова вернуться к этому вопросу. Правда, у нас есть исторический материал Нестора-летописца о том, что в таком-то году был построен монастырь св. Михаила. Но если и верить этому сообщению, то все таки вопрос датировки играет очень большую роль. Было очень много разных теорий. Все теории уже теперь отпали. Мы имеем уже протокол, где тов[ариш] Киплик зафиксировал, что и штукатурка и росписи совершенно одинаковы и тогда этот вопрос никто не оспаривал. Но так или иначе, брешь в XII в. уже пробита. У нас есть данные, которые

наводят некоторую тень и на мозаики в смысле их датировки. Мы на сегодняшний день не хотим еще оперировать и ихними данными, но все таки они уже наводят известную тень на эту датировку. И нам нужно этот факт детально изучить. Мы не собрались тут для того, чтобы опровергать XII в., но поскольку мы имеем факт чрезвычайных сомнений и относительно техники, и относительно общей перестройки и т.[д.], то не вызывает ли у вас сомнения подобное положение в истории? Не прав ли Молчановский, когда говорит, что в течение этих четырех столетий в Киеве ничего не строили? Не наблюдаете ли вы тут чрезвычайно определенного, может быть умышленного перерыва? И, поскольку мы имели дело с памятником очень давним, когда мы имеем единственный раз возможность изучить его не на летописях, а по действительному, фактическому материалу, то наши ученые должны, и в праве этим материалом пользоваться. Может быть, наша вина в том, что мы не привлекли достаточно большого количества научных работников, хотя мы применяли все, чтобы все ученые этим делом занялись. И вот, держа в руках этот чрезвычайной важности фактический материал, мы его и должны пересмотреть, и перестроить ту легенду, которая раздавалась на протяжении довольно длительного периода времени. Я еще месяц тому назад передал данные, что в Михайловском монастыре лежали мощи Святополка соответствующим образом изукрашенные, а когда пришлось раскрыть этот гроб, то там оказались телючьи кости. Археологические раскопки нам ни черта не дали в смысле подтверждения этой легенды. (Козубовский: Нельзя сказать, что ни черта не дали. Что-то же они нам дали) — Конечно дали.

Второе дело — скандал с фресками. Может быть, это случайное соглашение на все теории, которые выдвигались и т. д., но это только натяжка. Почему это XII, а не XVII или XV век? Поэтому я считаю, что поскольку мы сейчас работу с Михайловским монастырем заканчиваем, нам нужно будет заострить внимание на самом существенном вопросе — на вопросе датировки. Это сразу раскрывает карты нашего противника. Это, конечно, не говорит, что мы можем пойти на путь какого-нибудь предупреждения. Нам нужно детально изучить этот факт для того, чтобы окончательно оправдать этот вопрос о датировке. Поэтому я, считаю, что на этот вопрос нужно акцентировать наше внимание.

Куриный:

Я не могу сказать многого, поскольку я не знаком со многими материалами. Меня взволновала речь г. Молчановского. Я думал, что это уже последнее заседание по этому поводу. Но сейчас я действительно вижу, что памятник Михайловского монастыря в том виде, в каком он сейчас находится, не может быть оставлен без дальнейшей проработки. Такие вещи, как раскрытие фальшивых мощей похороненного князя в гробнице свидетельствует о том, что Михайловский монастырь может дать богатый материал для раскрытий всех этих исторических трудов, которые у нас существуют. Я взял слово для того, чтобы задать вопрос, который меня интересует. Меня интересует состояние дневников. Мне казалось, что таких

разногласий не может быть. На сегодня еще не выяснено происхождение этих фресок. Дальше, о постройке в Михайловском монастыре. Это должно иметь решающее значение. Если мы имеем уже в нижне-лежащем слое целый ряд материалов, подрывающих эту датировку, то поэтому пока этот памятник находится в наших руках, когда мы можем единственный раз в истории проследить этот памятник, то мы должны все имеющиеся недоразумения разрешить, потому что всякая недоговорка может вызвать разные толкования у классового врага. Поэтому нужно немедленно выяснить все вопросы, имеющие отношение к этому памятнику и в ближайшее время уже все это выяснить. Я думаю, что от принципа этой датировки, которая была раньше сделана, от принципа кладки памятника, цемента и т.д. удастся твердо и определенно доказать, что та датировка, которая существовала до сих пор, провалилась.

- Макаревич: Вы пробовали кое-что исследовать. Что дали Ваши исследования?
 Куринный: Тогда были небольшие разведки. Мы открыли небольшую часть пола для того, чтобы посмотреть, есть ли там гробница, есть ли там постройка литовского времени. Ответ был таков, что гробница есть, она сфотографирована. Второй ответ мы получили при вскрытии пола. Там была цементная кладка. Так, что там мы произвели небольшие разведки.
- Макаревич: Кто еще возьмет слово? Может быть т. Макаренко нам что-нибудь по этому поводу скажет, выскажет тоже свое мнение.
- Макаренко: Я работал очень много. Я с очень многим согласен, а со многим и не согласен. Поэтому разрешите мне сказать свое мнение другой раз. Спорить можно там, где есть факты, а если их нет, то нечего об этом и спорить.
- Козубовский: За работами Михайловского монастыря я следил все время, за исключением того времени, когда был в экспедиции. Следил за работой специалистов, за работой их над мозаиками, фресками и за теми работами, которые проводил т. Молчановский в самом храме. Я хочу сделать несколько замечаний. Первое и основное, это то, что за нашей методологией изучение памятников, и особенно памятников материальной культуры, окончательно исчерпывается при наличии всех моментов и данных, которые необходимы для того, чтобы дать датировку того или иного памятника. Во-первых, нужно изучить исторический материал. Мы не отрицаем того, что мы не можем отбросить типы и материалы. Это остается у нас ведущим и основным материалом при датировании. Мы не можем ставить задания, чтобы только на основании одних фрагментов строить материал и т. д. И в данном случае мы это не можем сделать. Мы о памятнике Михайловского монастыря скажем лишь только тогда, когда его окончательно исследуем. Я расцениваю отказ т. Макаренко дать свои замечания по этому поводу не его осторожностью и просто нежеланием. Меня удивил его отказ, чтобы высказать свое мнение. Недавно мы вели расследование на Вышгороде. Это расследование нас интересовало не для того, чтобы исправить разные существовавшие теории, а нас интересовали вообще очень харак-

терные моменты. Вопрос в самом материале. Что такое материал XII ст.? Конечно, типичский материал XII ст. был, но это не значит, что в XIII в. был уже иной материал. Принцип изготовления сохраняется определенный и дальше продолжается как пережиток. Было бы большой ошибкой, если бы мы давали точные даты — для этого кирпича церкви, которая была построена в стиле ампир в 1914 г[оду] около Перекопа. Я напомнил историкам случай, который касается кирпича XII ст. После разрушения Вышгорода был большой спор за вышгородский материал, когда делился материал с этих развалин, который привезли в Киев. Вы думаете, что нельзя встретить этот кирпич в какой-нибудь церкви, например, в Киеве на Подоле? На основании этого случая мы не имеем права отбросить того, что отдельные здания в Киеве являются зданиями XII в. и что они не имеют своих специфических черт.

Я бы предложил сейчас не делать никаких заключений о насыщенности того или иного дерева и о том, где лежат эти фрески; консервация дерева берегается очень долго и сохраняется блестяще. На основании этого нельзя делать выводов. Я считаю, что было большой ошибкой то, что когда открыли эти гнезда, не взяли верхней части этой штукатурки, но наличие там обрывков Евангелия не говорит о XII ст. Я думаю, что тт. Молчановский и Багрий согласятся с тем, что мы не отбрасываем того, что применяли наши исследователи при исследовании памятника. Я думаю, что т. Моргилевский не точно сказал, и хочу сказать, что оценку Михайловского монастыря нужно дать после того, когда он будет разобран и когда на территории Михайловского монастыря будут произведены исследования. В Вышгороде мы уже открыли три [культурных] слоя, то на чем строили свои теории предыдущие историки. Затем, исследование целого ряда моментов может быть тогда [завершено], когда будет произведено во всем объеме дополнительное исследование, и в частности, нельзя говорить на основании этого о мозаике [о времени ее создания]. Очевидно необходимо будет проанализировать эту мозаику в лаборатории. Этой работой, я думаю, займется проф[ессор] Фролов и еще целый ряд соответствующих работников.

Мне кажется, что сегодняшнее совещание должно было развернуться во всю ширь. По-моему, у некоторой части научных работников в Киеве создалось такое мнение, что я свое мнение скажу после. Такая нотка звучит, «что я с Вами не согласен, но я Вам скажу после». А почему Вам не сказать того, что Вы думаете сейчас? Многие группы ученых ошибались в течение 1000 лет. Поэтому надо нам дать сейчас возможность раскрыть то, что нас интересует. И я б хотел услышать частично и мнение об этом т. Макаренко.

Антипович:

Я хочу продолжить мысль Федора Андреевича [Козубовского] и хочу сказать, что не нужно сегодня спешить и перекинуть то, что мы теперь нашли в XVII в[еке]. Спешить не следует. Я хочу поставить первую часть, что до сегодняшнего дня вся работа была построена

не на научных началах. Когда было [получено] первое распоряжение о том, что будет сноситься этот памятник, была достаточно хорошо приготовлена эта база. Мы притянули все организации к этому делу, даже Академию [наук] Союза и Академию художеств. Первый подготовительный период исследования был хорошо подготовлен. Процесс работы шел правильно. Группа археологов работала над своими вопросами, которые она себе поставила. Работала группа инженеров-архитекторов в лице т. Моргилевского, группа научных работников по реставрации мозаик, фресок и т. д. Все было сделано правильно, но сейчас имеется еще целый ряд неясных вопросов. Поэтому нельзя забегать вперед, и все вопросы должны быть решены тогда, когда будет разобран весь комплекс по кирпичику. У нас есть целый ряд научных мнений и несогласий.

Второй момент — мы сумели эту работу построить в разрезе общетеоретическом. Мы смотрим на эту работу через очки наших классово пролетарских интересов. Этого мы не забывали все время. Мы сумели эту работу поднять на определенную политически принципиальную высоту. И это и хорошо. Мы все время чувствовали величайшую ответственность за эту работу. Дело приобрело не только всесоюзное, но световое значение. Мы чувствуем ответственность за эту работу и поэтому у нас такая щепетильность. Тут есть чувство большой ответственности за каждую мельчайшую деталь. Целый ряд таких научных проблем будет выяснен немного позже, когда весь комплекс вопросов встанет перед нами. Правильно сегодня говорили товарищи, что мы всегда увлекались технической стороной. В сегодняшнем докладе все таки превалировала техника. В этом дневнике есть уже наблюдения научно-исследовательского характера.

Дальше, нужно будет проработать этот н[аучный] материал и тогда уже целый ряд вопросов, которые сегодня не разрешены, будут уже разрешены в совсем более широком масштабе. Нужно сегодня категорически наметить такое место, где будут собраны абсолютно все материалы. Все эти материалы нужно будет собрать в одном месте, или в Институте материальной культуры, или в В[сеукраинском] м[узейном] г[ородке]. Нужно будет наметить проблемы использования этих материалов. Нужно их немедленно использовать, чтобы уже через 2-3 месяца эти мозаики были уже в эксплуатации, там-то и там-то. Нужно показать все то, что можно было видеть в Михайловском монастыре на стенах. Время уже было бы дать несколько информации в прессе и в журналах по поводу этой мозаики. Процесс работы уже тянется второй месяц, а ни звука еще нет ни в каких информациях. Дальше молчать не следует. В руках классового врага такое отрицательное отношение к этому делу может приобрести определенную окраску.

Моргилевский: Я хочу подписаться под словами т. Антиповича относительно щепетильности. Михайловский [монастырь] есть прежде всего архитектура. Партия и правительство возложили на нас в этой работе большую ответственность. Исследуя Михайловский собор, тут

приходится говорить и о каждом гнезде, и о каждом шве, и о каждом кирпиче. Никто иной как тов. Багрий заронил очень большое сомнение насчет датировки этого памятника у меня, который уже работает в этом направлении столько лет. Скепсис, с которым я подошел к Михайловскому собору, не покидает меня ни на одну минуту. Я приведу один пример. В Самарканде в одном архитектурном памятнике было две трещины. Московскому архитектору Засыкину поручено было это исправить. Он произвел эти работы по всем правилам современной техники, отобрал кирпич. Кирпич был там плоский в виде плиток. Он был уложен на ганче. Это смесь извести с алебастрой. Этот кирпич можно прикладывать к кирпичу в вертикальном направлении без всяких лесов. Он применял леса. Оказалось, что значительная часть этого плоского кирпича разрушилась, и он достал такой же кирпич, который, оказалось, очень легко можно было достать, и восстановил эту самую арку. Удивительного ничего нет. Кирпич достали такой же самой формы, как и 400 лет тому назад. Сейчас же из Вышгорода приехали т. Козубовский и т. Багрий с большими сомнениями насчет этого материала. В нашей литературе есть сведения, что из этого материала заложена Петропавловская крепость. Из нас там были многие. Вы знаете, уже больших сомнений никакое другое сопоставление вызвать не может. Ничего нет похожего на раннюю феодальную пору, и этот спор, и эти сведения навевают очень большие раздумья. Если речь идет о раннем феодальном материале, то это большой вопрос. Это что-то абсолютно не похожее друг на друга. Значит имеется какая-то брехня в писанных источниках. Я пошел в это дело еще молодым инженером и абсолютно никогда не был заражен никакими теориями. Все это для меня абсолютно безразлично. И когда тут заспорили два больших авторитета из Ленинграда и Москвы, то я сказал, что это мне абсолютно безразлично. Это для меня не важно. Мне важны только факты. И еще один факт. Вы помните Юрьеву Божницу. Говорили, что колонки Михайловского монастыря и Юрьева Божница сделаны из одного материала. Это абсолютно не верно.

т. Макаренко:

Моргилевский:

Есть статья, что материалы переводились оттуда. Но там нет никакого кирпича такого. Вы говорите, что там был «литовский» кирпич. Это кирпич с полосочками. Это сказки для детей. Это Вам сказал Ваш Антонович, Ваш Данилевский и Ваш Павлуцкий. «Литовский» кирпич, я его вижу от XVI в. и до Екатерины II. В данном случае Наз[ар] Алекс[андрович] дал много больших предосторожностей в исследовании. Это не значит, что датировка игнорируется. Это то, к чему я стремлюсь. Поэтому мы сможем говорить о датировке тогда, когда все проверим. Докажите мне, что такое литовский кирпич. Я же Вам обещаю все это честно, абсолютно честно исследовать. У нас есть несколько недостатков, а именно, что у нас нет расчисток, нет изытия материала. У нас было сначала обусловлено, что у нас будут постоянно два работника с молотками и вилами, а этого нет. Нам нужно снять около 12 метров штукатурки. Исследование памятника приходит к концу.

Фактов там накопилось очень много. Факты очень интересные. Мы имеем возможность все это проследить. Я очень прошу прискорить организацию чертежных досок. Бумага есть. Нужно сейчас же эти цифры, которые собраны, чтобы они сейчас же вылились на бумаге. Мне сказал т. В. П. Затонский, что материал надо раздевать постепенно. Нам нужно иметь 6–7 досок из фанера. Нам нужно реализовать эти цифры и сейчас же немедленно приступить к расчистке и продолжать дальнейшее исследование этого материала.

Макаревич:

Я боюсь, как бы мы не упустили того или иного момента. Пока все это можно еще проделать. Начнем с этих анализов. У меня нет еще твердой уверенности, что не все еще сорта штукатурки отобраны. (Моргилевский: Далеко не все). [Макаревич:] Мы должны все то, что проходит и прошло через наши руки запаспортизовать. Нужно, чтобы один кусок шел в анализ, а другой лежал у нас под стеклом. Например, относительно гнезда. Если мы сейчас не подойдем к этому делу как следует, то это вызовет большое недоверие. Разница между грунтом этой фрески и грунтом иных фресок очень большая. Все это нужно отобрать, отметить и т. д. Все это надо проделать, пока еще собор на месте. Нужно все это привести в порядок, чтобы эти документы остались и напотом. Нужно, чтобы все эти куски известняка, кирпича и т. д. лежали у нас в лабораториях, в институте или в другом месте.

Теперь, мы еще не дали ответа на вопрос т. Фролова в отношении тех небольших выпадов, которые имеются у нас в наборе мозаики, а потому я ставлю вопрос: как нам быть? Этот вопрос еще надо обсудить в специальном собрании.

Конец совещания.

Науковий архів Інституту археології
Національної Академії наук України,
фонд «ІМК», справа № 666, арк. 1–27